

А Пробаперов

Право на красоту

А Пробаперов

Право на красоту

«Автор»

2026

Пробаперов А.

Право на красоту / А. Пробаперов — «Автор», 2026

Третья книга цикла «Право на...». Читать после романов «Право на позитив» и «Право на ошибку». У каждого рая есть трещина. У каждого дара — цена. Мальчик Саша видит бабочку на цветке и задаёт вопрос, который будет вести его через всю жизнь: почему этот мир такой красивый? Он ищет ответ в шахматах, в физике, в картинах старых мастеров, в клетках собственной крови. Но чем старше он становится, тем чаще слышит: «Красота — не главное. Главное — результат». Сертификации, МВА, карьера, стандарты — каждый шаг вверх отдаляет его от того мальчика с бабочкой. Пока однажды сестра не спрашивает его: «А как же бабочка?» Это история о том, как мы теряем и находим право видеть. И о том, что красота — не украшение. Это каркас, на котором держится мир.

© Пробаперов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Бетон и бабочка	5
Глава 1. Бабочка	7
Глава 2. Сестра	9
Глава 3. Шахматы	11
Глава 4. Английский	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

А Пробаперов

Право на красоту

Пролог. Бетон и бабочка

Ночь на логистическом терминале пахла соляровкой, мокрым картоном и остывшим кофе. Александр сидел в стеклянной будке операторской, глядя на монитор с допотопной складской программой. За окном, в жёлтом свете прожекторов, сновали погрузчики, хлопали двери фур, кто-то матерился у седьмого сектора.

Он уже не помнил, который это час. Двенадцатичасовые смены слились в одну длинную серую полосу. Перебивать накладные. Чистить зависшие порты. Синхронизировать таблицы, которые операторы на местах заполняли с кучей опечаток. Бывший директор по ИТ-инфраструктуре, человек с МВА, теперь числился линейным ночным администратором баз данных. Семьдесят тысяч на руки. Без премий. Без ДМС.

Он привык. Почти.

Иногда, в редкие минуты тишины, он пытался вспомнить, что было до этого. Не работу. Не проект. Не холдинг. Что-то другое. Что-то, что было раньше всего. Но память выдавала только логи, таблицы, отчёты. Как будто до склада ничего не было. Как будто он родился в этой будке, с этой кружкой, с этим монитором.

В половине третьего он вышел на улицу — глотнуть воздуха. Туман стоял плотный, вязкий, с запахом разогретого асфальта и дизеля. Он прислонился к бетонной стене ангара, закрыл глаза.

И в этот момент что-то коснулось его щеки. Легко. Почти невесомо.

Он открыл глаза.

На его плече, у самого воротника рабочей куртки, сидела бабочка. Маленькая, с белыми крыльями, покрытыми чёрно-жёлтыми узорами. Она несколько раз расправила и сложила крылья, будто проверяя, всё ли на месте. Потом снова расправила — и замерла.

Александр смотрел на неё и не двигался. Где-то далеко, за бетонным забором, гудели фуры, кто-то кричал в рацию, лязгали ворота. Но здесь, у стены, было тихо. Только бабочка. Только он.

Он не знал, откуда она взялась. Ночью, на бетоне, среди асфальта и машин. Это было неправильно. Нелогично. Не вписывалось ни в одну из его таблиц.

Он осторожно поднял руку. Бабочка не испугалась. Она просто сидела. И смотрела — если можно так сказать о существе без глаз, которые он мог бы разглядеть.

И тогда что-то шевельнулось в нём. Глубоко, под слоем усталости, под слоем стыда, под слоем всех этих лет, когда он учился не задавать лишних вопросов. Что-то очень старое. Что-то, что он, кажется, когда-то знал.

Он вспомнил. Не словами. Не картинкой. Просто ощущением. Тепло. Трава. Большие цветы. И бабочка. Другая? Или та же самая? Он не знал. Но что-то в этой маленькой, невесомой жизни на его плече было знакомым. Как будто он уже видел её. Очень давно. Когда мир был больше, добрее и не требовал объяснений.

Бабочка взмахнула крыльями и улетела — в туман, в темноту, за бетонный забор. Александр проводил её взглядом. Постоял ещё немного. Потом вернулся в будку.

Монитор мигал. Накладные ждали. Смена продолжалась.

Но что-то внутри него уже сдвинулось. Медленно, как тектоническая плита. Он ещё не знал, что это. Но он знал, что теперь будет помнить. Эту ночь. Этот бетон. Эту бабочку.

И где-то на дне памяти — мальчика, который когда-то умел видеть. И вопрос, который он тогда задал. Тот самый. **Почему этот мир такой красивый?**

Глава 1. Бабочка

Он вспомнил. Тот самый вечер. Те самые ощущения..

Ему было четыре года, и мир был огромным. Он состоял из двора с палисадником, где росли большие цветы — яркие, пахучие, выше его головы. Из травы, в которой можно было лежать на спине и смотреть, как между стеблями ходят гусеницы, прыгают кузнечики и медленно, важно ползут улитки. Из божьих коровок, которые садились на ладонь и улетали, стоило подуть. Из абрикосов, тёплых от солнца, с косточкой внутри, которую можно было посадить в землю и ждать, что вырастет дерево.

И из папы.

Папа Толя был большим и молчаливым. Он работал на заводе, приходил домой уставший, но каждые выходные что-то делал во дворе. То чинил забор, то сколачивал полку, то возился с мотоциклом. Саша всегда был рядом — не мешал, просто смотрел. Папа не объяснял, что делает. Он просто делал. А Саша просто смотрел. И понимал.

В тот день папа делал качели.

Он принёс две толстые верёвки и деревянную доску, отшлифованную до гладкости. Привязал верёвки к толстой ветке старого ореха, что рос в углу палисадника. Прикрепил доску. Проверил, крепко ли. Потом поднял Сашу, посадил на доску и слегка толкнул.

Саша взлетел. Ветер ударил в лицо, в ушах засвистело, а внизу проплыла трава, цветы, папины руки. Он засмеялся. Папа не смеялся. Он просто толкал качели — ровно, спокойно, не давая им улететь слишком высоко. Но и не опуская слишком низко.

Саша качался и смотрел на мир сверху. И мир казался ещё больше.

А потом он увидел бабочку.

Она сидела на большом цветке — том самом, что рос прямо перед качелями. Белая, с чёрно-жёлтыми узорами на крыльях. Она несколько раз расправила и сложила крылья, будто проверяла, всё ли на месте. Потом снова расправила — и замерла, греясь на солнце.

Саша заворожённо смотрел. Он никогда не видел такой близко. Качели замедлились. Папа перестал толкать. Саша соскользнул с доски и подошёл к цветку.

Бабочка не улетела. Она просто сидела. И смотрела — если можно так сказать о существе без глаз, которые он мог бы разглядеть.

Саша протянул руку. Медленно. Осторожно. Двумя пальчиками взял её за крылышки.

Она была лёгкая. Почти невесомая. Крылья — огромные для неё, но тонкие, как бумага. Он поворачивал её то влево, то вправо, рассматривая со всех сторон. Чёрно-жёлтые узоры складывались в симметричный рисунок. Как будто кто-то нарисовал их специально. Аккуратно. С любовью.

— Красивая, — сказал Саша.

Папа не ответил. Он стоял рядом, у качелей, и смотрел. Молча. Но не уходил.

Саша отпустил бабочку. Она вспорхнула и улетела — легко, свободно, в голубое небо над палисадником. Он смотрел ей вслед, пока она не превратилась в маленькую точку, а потом и вовсе не исчезла.

И тогда он подумал.

Подумал не словами — словами он ещё плохо умел. Он подумал ощущением. Как будто внутри него что-то открылось и впустило в себя весь этот мир — траву, цветы, бабочку, папу, небо. И он вдруг понял, что всё это — не просто так.

Одуванчики, которые растут у забора, — они ведь не просто жёлтые. Они весёлые. Они «спроектированы» быть весёлыми, чтобы люди улыбались, когда на них смотрят. Абрикосы — не просто вкусные. Они — как маленькие солнца, которые можно съесть. Малина, крыжовник, персики — всё это кто-то придумал, чтобы было вкусно. И не просто вкусно, а радостно.

Почему этот мир такой красивый?

Саша не знал. Но он был уверен: этот мир не мог получиться случайно. Случайно не бывает так красиво. Случайно не бывает так продуманно. Случайно не бывает так вкусно и так весело.

Он посмотрел на папу. Папа стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на него. В его глазах было что-то, чего Саша не мог назвать. Но ему не нужно было называть. Он просто знал: папа тоже видит. Может быть, не так, как он. Но видит.

— Пап, — сказал Саша. — А почему бабочка такая красивая?

Папа помолчал. Потом сказал:

— Никто не знает, сынок.

— А как же она тогда получилась?

Папа посмотрел на небо, где только что исчезла бабочка. Потом на Сашу.

— Может, её кто-то попросил? Или она сама захотела быть именно такой — чтобы ты и другие дети заметили эту красоту и порадовались?

Саша не понял. Но что-то в этих словах ему понравилось. Он не мог объяснить что. Просто понравилось.

Папа вернулся к качелям. Поправил верёвки. И снова поднял Сашу на доску.

— Давай ещё, — сказал Саша.

Папа толкнул. Саша взлетел. Ветер ударил в лицо. И мир снова стал огромным.

Он качался и думал о бабочке. О том, как она расправляла крылья. О том, как она хотела летать. И о том, что кто-то, наверное, очень хотел, чтобы она была красивой. И чтобы она порадовала всех вокруг.

Вечером, когда солнце село и папа понёс его домой на руках, Саша всё ещё думал о бабочке. Он засыпал и видел её — белую, с чёрно-жёлтыми узорами, которая летит над палисадником, над качелями, над всем миром.

И мир был огромным. И добрым. И красивым.

И он был его.

Глава 2. Сестра

Саше было одиннадцать, когда родилась Поля.

Он ждал её появления с каким-то странным, непривычным чувством. Не радостью — радость он умел чувствовать, она была простой и лёгкой. Это было что-то другое. Как будто в доме должно было появиться что-то важное, и он ещё не знал, что с этим делать.

Мама Варя была рядом. Всегда. Она работала на заводе — руководителем планового отдела. Целыми днями считала, планировала, сводила таблицы, проверяла, чтобы всё сходилось. Приходила домой уставшая, но никогда не позволяла усталости взять верх. Она знала всё — какой у Саши любимый предмет, с кем он дружит, что ему снилось прошлой ночью. Иногда ему казалось, что она слышит даже то, что он не говорил. Просто смотрела на него — и уже знала.

Когда она уходила в роддом, Саша остался с папой. Папа не говорил много. Он просто делал что-то по дому, а Саша ходил за ним и смотрел. Как всегда. Как будто ничего не должно было измениться.

Но изменилось.

Мама вернулась через несколько дней. С маленьким свёртком на руках. С Полей.

Саша смотрел на неё и не понимал. Она была крошечная. Красная. Сморщенная. Она не умела ни говорить, ни ходить, ни даже держать голову. Она просто лежала и иногда плакала. Или спала. Или смотрела в потолок невидящими глазами.

— Это твоя сестра, — сказала мама. — Теперь ты старший.

Саша кивнул. Он не знал, что значит «старший». Но он понял: что-то изменилось. И это «что-то» было важным.

Он подходил к кроватке каждый день. Смотрел на Полю. Она была такой маленькой, что казалась не человеком, а существом из другого мира. Но при этом — живой. Настоящей. Она дышала. Она двигала ручками. Она моргала.

И однажды Саша понял.

Она ведь ещё не умеет говорить. У неё нет слов. Ни одного. Она не знает языка. Она даже не знает, что такое «я». Но она уже смотрит. Уже тянется к маме. Уже узнаёт её голос. Уже чему-то учится — каждый день, каждый час.

Он сел рядом с кроваткой и стал смотреть, как Поля сосредоточенно разглядывает что-то на потолке. Может быть, тень. Может быть, просто свет.

— Мам, — сказал он. — А она думает?

Мама подошла, посмотрела на Полю, улыбнулась.

— Конечно, думает. Она ведь уже понимает, что мы здесь.

— Но у неё же нет слов. Как она может думать без слов?

Мама присела рядом с ним. Она смотрела на него внимательно, как умела только она — так, будто видела насквозь.

— А ты сам как думаешь, Саш?

Он задумался. Это было трудно — думать о том, как он думает. Но он попробовал.

— Я думаю, — сказал он медленно, — что слова — это не главное. Что можно думать и без них. Просто... чувствовать. И знать.

Мама кивнула. Не как учитель, который проверяет ответ. Как человек, который соглашается.

— Я тоже так думаю, — сказала она. — Когда ты был маленький, ты ведь тоже не знал слов. Но ты уже всё понимал. Ты знал, что я — это я. Что папа — это папа. Что мир — добрый. Ты не мог этого сказать. Но ты это знал.

Саша смотрел на Полю. Она всё ещё разглядывала что-то на потолке. Её лицо было спокойным и сосредоточенным.

— Значит, она сейчас думает, — сказал он. — Без слов.

— Думает, — согласилась мама. — И, может быть, даже лучше, чем мы. Потому что слова иногда мешают. Они упрощают. А она пока видит мир целиком.

Саша не понял, что значит «целиком». Но что-то в этих словах отозвалось в нём. Как будто он уже знал это. Давно. До того, как выучил слова.

Он ещё долго сидел рядом с Полей. Смотрел, как она засыпает. Как её дыхание становится ровным. Как её маленькие пальчики сжимаются и разжимаются.

И думал.

Он думал о том, что Поля сейчас — как он когда-то. Без слов. Без объяснений. Просто с миром, который она видит и чувствует. И этот мир, наверное, очень большой. И очень добрый. И очень красивый.

Он думал о том, что слова — это только оболочка. Что за ними — что-то большее. То, что нельзя сказать. Но можно почувствовать.

Он думал о том, что когда-то и он был таким. Без слов. И мир был для него — не набором названий, а чем-то живым. Целым. Настоящим.

И он понял, что Поля знает то, что он уже начал забывать. Что слова — не главное. Что главное — то, что за ними.

Мама вышла из комнаты. Папа был на кухне, что-то делал. Саша остался один с Полей.

Она спала. Её лицо было спокойным. И Саша вдруг почувствовал, что между ними есть что-то общее. Что-то, чего нет у взрослых. Что-то, что они оба знают. Без слов.

Он осторожно погладил её по голове — там, где был мягкий пушок.

— Я тебя понимаю, — сказал он тихо. — Я тоже так думаю.

Поля не ответила. Она спала. Но Саше показалось, что она улыбнулась.

Глава 3. Шахматы

В шахматы Саша попал случайно.

Во дворе, рядом с палисадником, был старый деревянный стол, за которым мужики по вечерам играли в домино. Однажды к ним подсел новый сосед — дядя Гриша, бывший военный, сухой, с жёсткими пальцами и привычкой шуриться, будто целился. Он принёс с собой шахматную доску, и мужики, посмеиваясь, стали играть. Саша стоял рядом и смотрел. Он не понимал правил, но что-то в этом было. В том, как дядя Гриша думал. Как он смотрел на доску. Как его рука зависала над фигурой, а потом ставила её точно, без колебаний.

Через неделю дядя Гриша предложил ему сыграть.

— Ты всё равно тут торчишь, — сказал он. — А я устал с этими. Они только в домино умеют.

Саша сел за стол. Он не знал, как ходят фигуры. Дядя Гриша объяснил — коротко, без лишних слов. Показал, как ходит конь, как слон, как ладья. Как защищать короля. Как ставить мат.

Саша запомнил всё сразу. Не потому, что старался. Просто запомнил. Как будто знал это раньше. Как будто это уже было в нём.

Первую партию он проиграл. Вторую — тоже. Третью — сыграл вничью. Четвёртую — выиграл.

Дядя Гриша смотрел на него долго, потом убрал доску в чехол.

— Приходи завтра, — сказал он. — Я тебя запишу в секцию.

****Позже, много лет спустя, дядя Гриша расскажет ему правду.****

— Я тогда специально тебе первую проиграл, — скажет он, усмехаясь. — Ну, не первую. Первую ты сам проиграл, там всё честно. А вот четвёртую — я слил. Нарочно. Хотел посмотреть, увидишь ли ты, что я тебе поддаюсь. И что ты с этим сделаешь.

— И что я сделал? — спросит Саша.

— Ты не обрадовался. Ты нахмурился. Ты смотрел на доску и искал, где я ошибся. И когда не нашёл — посмотрел на меня. Прямо. И сказал: «Вы поддались». Не спросил. Сказал. Утвердительно. — Дядя Гриша покачает головой. — Мне тогда восемьдесят было, я тридцать лет тренировал детей. И никто из них не говорил мне «вы поддались». Они радовались. А ты — нахмурился. Я тогда понял: из тебя выйдет толк. Или большая беда. Или и то, и другое.

Секция была в Доме пионеров, через две улицы. Саша ходил туда три раза в неделю. Дядя Гриша оказался не просто соседом — он был тренером. Строгим, но справедливым. Он не хвалил зря и не ругал без причины. Он просто показывал. И ждал, пока Саша поймёт.

Саша понимал быстро.

Через год он стал чемпионом города среди юношей. Через два — призёром республики. Его фотография висела на доске почёта в Доме пионеров. Мама гордилась. Папа молчал, но однажды Саша заметил, как он стоит перед доской почёта и смотрит. Долго. Потом уходит, не сказав ни слова.

Но было что-то ещё.

Однажды на тренировке дядя Гриша предложил им сыграть в блиц. Это когда на партию даётся мало времени — пять минут, три минуты. А потом — суперблиц. Одна минута. Или две на всю партию, пятьдесят ходов.

Саша сел за доску. Дядя Гриша включил часы.

— Поехали.

И тут что-то произошло.

Саша не думал. Не считал варианты. Не вёл в голове диалог, как его учили: «Если он пойдёт сюда, то я пойду туда, а он, наверное, ответит так...» Ничего этого не было.

Было только знание.

Он просто знал, куда идти. Просто знал, что угрожает соперник. Просто знал, какие фигуры останутся на доске после размена. Он не успевал это проговорить. Даже если бы захотел — не успел бы. Секунда на ход. Одна секунда. За неё нужно было заметить, оценить, сопоставить, выбрать, просчитать, поставить фигуру, нажать кнопку часов. Всё это — без слов. Без внутреннего диалога. Без объяснений.

Он играл — и выигрывал. Одну партию. Вторую. Третью.

Дядя Гриша остановил часы.

— Ты где этому научился?

— Я не знаю, — сказал Саша честно. — Я просто... знаю.

Дядя Гриша смотрел на него долго. Потом откинулся на спинку стула.

— Я в твоём возрасте так не мог, — сказал он. — Я считал. Медленно. По шагам. А ты — видишь. Целиком. Это не тренируется. Это или есть, или нет. У тебя есть.

Саша не понял, что это значит. Но запомнил.

Дома он долго лежал на кровати и смотрел в потолок. Он пытался поймать это состояние. Это знание без слов. Оно было где-то рядом — как будто за тонкой стенкой. Стоило сосредоточиться — и оно уходило. Стоило отпустить — и оно возвращалось.

Он думал о том, что в школе его учат думать словами. Объяснять. Проговаривать. А в шахматах — на скорости — слова просто не успевали. И он обходился без них. И получалось лучше.

Он думал о Поле. Она ведь тоже думает без слов. И, может быть, тоже видит. Целиком. Не разбивая на куски.

Он думал о том, что, может быть, слова — это не то, чем мы думаем. А то, чем мы объясняем то, что уже знаем. Как перевод. С одного языка — на другой. С языка знания — на язык слов.

И чем быстрее он играл, тем меньше было этого перевода. Тем чище было знание.

Он встал, подошёл к окну. За окном был двор, палисадник, старый орех с качелями. Бабочек уже не было — осень. Но он всё равно смотрел.

И думал: если слова — это только перевод, то что же тогда оригинал? Что было до слов? Что было в нём — тогда, в четыре года, когда он смотрел на бабочку и знал, что мир прекрасен, но не мог этого сказать?

Он не знал ответа. Но он знал, что вопрос — правильный.

Глава 4. Английский

Английский Саша начал учить в пятом классе. Как все. По учебнику, с картинками, с аудиокассетами, которые шипели и жевали слова. Учительница, Нина Петровна, была строгой и требовательной. Она говорила: «Английский — это язык международного общения. Вы должны научиться на нём думать».

Саша сидел на задней парте и слушал. И что-то в этих словах его корбило. Он не знал почему. Просто корбило. Как будто ему сказали, что он должен научиться дышать другим способом.

Он не мог этого объяснить. У него не было аргументов. Но что-то внутри него говорило: это неправильно. Человек не думает на языке.

Вечером он сказал об этом маме. Осторожно, потому что не был уверен, что его поймут.

— Мам, а вот Нина Петровна говорит, что надо думать на английском. А я думаю, что человек вообще не думает на языке. Он думает... как-то иначе.

Мама отложила книгу. Она не сказала «что за глупости» и не сказала «учительница лучше знает». Она просто посмотрела на него внимательно.

— А как иначе, Саш?

Он задумался. Попытался поймать это ощущение. То, которое было в шахматах. То, которое было с Полей.

— Ну... — начал он медленно. — Вот когда я играю в шахматы быстро, я не успеваю думать словами. Я просто знаю, куда идти. И это знание — оно до слов. А слова — это уже потом. Когда я объясняю.

Мама кивнула. Не как учитель, который проверяет. Как человек, который думает вместе с ним.

— А английский? — спросила она. — Когда ты учишь английский, ты что делаешь?

— Я перевожу. Я думаю по-русски, а потом перевожу на английский. Это долго. И это... неправильно. Как будто я хожу на костылях. А можно ведь ходить без них.

— А почему ты думаешь, что можно?

Он замер. Он не знал, что ответить. Он просто знал.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Я просто знаю.

Мама улыбнулась. Тихо, коротко.

— Иногда этого достаточно, Саш. Знал — это тоже аргумент. Просто не для школы.

На следующий день на уроке английского Нина Петровна снова сказала:

— Вы должны научиться думать на английском. Иначе вы никогда не заговорите свободно.

Саша поднял руку.

— А как это — думать на английском?

— Что значит «как»? Берёшь и думаешь. Не переводишь с русского. А сразу формулируешь мысль на английском.

— А если мысль уже есть? — спросил Саша. — До того, как я её сформулировал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.